

Образ народной души

И. ЛЕЖНЕВ

В «Тихом Доне» и «Поднятой целине» ход исторических событий неразрывно связан с деятельностью народа. Меняющиеся жизнеотношения предстают предомленными через призму сознания участников и свидетелей этих событий, через их самые сокровенные думы и переживания.

Крупнейший советский художник не мог обойти опыт великой русской литературы, особенно опыт Льва Толстого в раскрытии самого процесса душевной жизни героев. В романах Шолохова мы находим знакомые нам по «Войне и миру» литературные приемы построения эпопей — отражение исторических событий в зеркале семейной хроники, мастерство создания коллективного портрета, яркую выразительность и лаконизм при обрисовке второстепенных действующих лиц и т. д.

Однако, как высоко ни ценит Шолохов искусство психологического анализа у Л. Толстого, он не просто заимствует те или иные литературные приемы, а всегда ищет и счастливо находит художественную форму, наиболее полно соответствующую новому идейному содержанию и новому материалу действительности.

Уже первая книга «Тихого Дона» говорит о тонком художественном мастерстве писателя не только в овладении словом, в обрисовке пейзажей, отдельных сцен, лирических настроений. Но что поразительнее всего в 22-летнем авторе — это глубокое знание жизни и души простых тружеников. Кого бы ни изображал Шолохов — казачью молодежь, собирающуюся на квартире полпольщика Штокмана, хуторских делов, закаленных в походах и боях казаков, нежных, лукавых, озорных, хлопотливых казаков, сварливых старух, босоногих ребятишек, о чем бы ни рассказывал — о широкой степи, о тихом Доне, о рыболовстве и полевых работах, о небе и земле, — он знает изображаемое им в совершенстве. От его зоркого глаза не ускользает ни малейшая черта лица, ни тончайшее движение чувств персонажей. С первых же страниц романа читатель

убеждается: да, Шолохов-художник умеет проникать в тайники человеческих душ. Конфликты, и личные и общественные, представлены в его книге с суровой, зачастую жестокой правдивостью. Каждое столкновение страстей автор доводит до конца, ничего не смягчая.

Шолохов умеет выделить в образе наиболее характерную черту и экономно, в нескольких фразах, как бы при вспышке магния, осветить человека с головы до ног. Такое умение особенно важно при обрисовке второстепенных персонажей, из образов которых и складывается обобщенное изображение народа.

В красочном kaleidoscope лиц проходят комические фигуры, как бы овеянные фольклором. Они веселят окружающих, о них рассказывают с улыбкой, иногда со смехом, но в движении массы это — существенные персонажи. Особенно памятен Авдееч, по кличке «Брех», его рассказ о том, как он, по поручению «самого интеллигента» в Санкт-Петербурге, поймал самого главного злодея в «инперии». А дворня помещика, генерала Листницкого! Все это — второстепенные персонажи, но все они обрисованы с классической четкостью. Старый конюх Сашка, весь в зеленой седлине, с шрамом на нижней губе, воспринимается читателем, как предшественник Щукаря. Его чудакость, «независимые» отношения с павлом Листницким в дни заоя, его старческое обожание Аксиньи, дружба с Григорием изображены поэтически, с большой душевной теплотой.

Напомню о других второстепенных персонажах — о собеседнике Штокмана — «складном, как голубь», красноармейце, московском рабочем-токаре, который «сам себе приказал» взорвать мост у белых. А как забыть потрясающую по силе сцену исполнения «Интернационала» пленными красноармейцами-музыкантами в седьмой части романа? Также навсегда врезаются в

память читателя «проходные фигуры» из последней части эпопеи: портной «беженец», попутчик Аксиньи, с прибаутками рассказывающий, как он научил генеральшу «давить всех вшей разом» — бутылкой, или молодая вдова-казачка, подполчица «звонка» с выражением «нехорошей бывалости» на лице.

Выразительность обрисовки этих и многих других лиц достигается не одним только внешним описанием, тем или иным метким эпитетом, но всем богатством языка автора, неподдельной точностью речевой интонации, крупными мимики, свертывающей то тут, то там, образным словом, поговоркой, иносказанием, выхваченным из уст самого народа, но главное — психологическим проникновением в души людей.

В 20-х годах советская литература столкнулась с трудностью изображения коллектива людей, особенно в произведениях, посвященных революционному семидесятилетнему годов и гражданской войне. Одним писателям удавалось создать живой образ коллектива бойцов, но в его пределах были слабо обрисованы отдельные лица. Другие мастерски изображали отдельных людей, но из суммы этих лиц не возникал коллектив. Гармоничное решение этой задачи одним из первых нашел Шолохов.

Особенно яркие массовые сцены во второй книге «Тихого Дона», где писатель воссоздал настроение взволнованных революционных полземом казаков-фронтовиков. Явственно слышишь гул митингов 1917—1918 годов. видишь казачью массу и в ее среде — резко очерченные отдельные лица. Художественно воспроизведены движение народных масс, революционный перелом в настроениях казачьей массы, самый «воздух» революционного времени. Грозноедыхание революции Шолохов передал разными способами: через народную песню, народный сказ, шутку, гул толпы, задушевную беседу казаков, через исполненное трагизма действие.

У Шолохова — талант народного писателя. Его художественное слово и интонация речи доходят, заражают потому, что

в сердце художника, во внутреннем состоянии повествователя, рассказчика, живет глубинная общность чувствований с народом, — общность не только в нравственных оценках, но и в психическом складе, в характере эстетических восприятий. Мы слышим перекрестные разговоры, реплики и выкрики, гул толпы. Перед глазами проходит взволнованный революционным подъемом коллектив казаков-фронтовиков, и в нем рельефно выделены отдельные фигуры.

На одной из железнодорожных станций казаки узнали, что их направляют через Искров на Петроград. Отстранив, с одобрения казаков, есаула, Иван Алексеевич принимает на себя командование сотней и двигает ее обратно на фронт. Но сотню догоняют офицеры, представители пресловутой корниловской дикой дивизии, и предлагают «вести переговоры».

Во время речи офицера Иван Алексеевич «видел, как, потупив головы, нахмурясь, слушают казаки; некоторые перешептывались. Захар Королев криво улыбался; Борщов играл плеткой, косился в сторону; Пшеничников с раскрытым ртом смотрел в глаза говорившему офицеру: Мартин Шамиль грязной рукой елозил по щекам, часто мигал, за ним желтело дурковатое лицо Багрова; пулеметчик Красников выжидал, тесно шурялся; Турилин тяжело дышал; веснушчатый Обизов, сдвинув на затылок фуражку, мотал чубатой головой, словно бык, почуявший на шее ярмо; весь второй взвод стоял, не поднимая голов, как на молитве; слитная толпа молчала, люди жарко и тяжело дышали». Так Шолохов красочно воссоздает коллектив казаков, передает их общее настроение и переживания каждого человека в отдельности.

Шолохов с замечательным искусством рисует революционное настроение фронтовиков, передавая беседу Бунчука с казаком Чикмасовым о Ленине. Разговор о Ленине дан среди описаний непритязательных будней походной жизни. До смерти наболея Чикмасову война, все ее тяготы. От войны он обращается мыслью и чувством к Ленину, как символу мира. Уражательность, с какой простой казак упоминает имя великого вождя, так, с каким он отделяет мелочи быта от большой своей думы, лиризм чувств казака выражены здесь только тремя словами: «по-молча, тихонько спросил:

— Илья Митрич, а из каких народов Ленин будет? Словом, где он родился и произрастал?».

Дальше следует сказ о Ленине. В сказе (он хрестоматийно общеизвестен) отражены и революционное настроение рядового бойца-фронтовика в преддверии Октябрьского вооруженного восстания, и восхищение казака величием, умственной и нравственной силой вождя, и гордость, что Ленин — «нашинский», и строй казачьей народной речи, перевитой юмором, и духовный мир самого рассказчика.

Хорошо знает Шолохов изображаемых им простых людей — каждый оттенок их чувств и каждый жест. Он безошибочно отмечает, когда Чикмасов перекрестился, когда и как сделал паузу, когда и чем похвастал, когда радостно засмеялся в темноту, когда и почему вздохнул. Во всей сцене нет ни одной неверной ноты, ни одной натяжки.

Широко пользуется в своей эпопее Мих. Шолохов литературной формой изображения отдельных участников, сторон, аспектов исторического события в восприятии действующих лиц.

Глазами Григория переданы походный быт, боевые эпизоды и батальные сцены на полях мировой войны, а затем и на полях войны гражданской, самочувствие кавалериста в бою, перемены в настроениях и взглядах казака-фронтовика, его раздумья наедине с самим собой, его отношение к своей среде, к женщине и детям, к земледельческому труду, поэзия природы и поэзия казачьей песни, лиризм воспоминаний детства и т. д. Вот как это делает Шолохов:

«...командир... вывел сотню... и повел куда-то в сторону (Григорию казалось, что едут они назад)...

— Сотня, шашки вон, в атаку марш-марш!

Голубой лизень клинков. Сотня, увеличивая рысь, перешла в намет...

«Вот так, вот так, вот так!» — мысленно отсчитывал Григорий конские броски... Режущий удар в голову... Он открыл глаза; омывая их, залила кровь. Топот у уха и тяжкое дыхание лошади: «хап, хап, хап!».

Безглагольная форма последнего предложения характерна для манеры повествования Шолохова. Он пользуется паузой, что-

бы передать напряженность действия, взволнованность чувств, например: «Градом по сердцу — топот немецких коней», «С конских спин — мыло и кровь».

Особенно запоминаются отдельные сцены и переживания боя, например, «неуловимый миг внутреннего преображения», который протекал от момента, как Григорий выпускал коня, до того, пока он дорывался до противника, а потом — реакция после боя, когда обострялись чувства и возвращалась жизнь, «манящая скупыми и обманчивыми радостями». Или охватывающее Мелехова неосознанное желание «дотопать бегущий по земле свет» в бою, когда он, не помня себя, зарубил четырех матросов.

Зачастую автор делает Мелехова свидетелем героических боевых подвигов красных бойцов и командиров, беспримерного их мужества в плечу. То Мелехов вливается, как возле Дона беззаветно храбро, с пением «Интернационала» идут на верную смерть и гибнут в бою сто шестнадцать коммунистов Интернациональной бригады, то он с восхищением наблюдает героическое поведение беспартийного красного командира на допросе в штабе.

То, что подобные сцены (а их в романе немало) увидены глазами именно Григория, ценно в том отношении, что центральная фигура, колеблющийся казак, получает наглядную возможность для сопоставлений и в десятках случаев убеждается в идейном и моральном превосходстве красных над белыми...

В приветствии ЦК КПСС Второму всесоюзному съезду писателей говорится: «Быть на высоте задач социалистического реализма — значит обладать глубокими знаниями политической жизни людей, их чувств и мыслей. Проявить проникновенную чуткость к их переживаниям и умение изобразить это в увлекательно доходчивой художественной форме, достойной действительных образов реалистической литературы...».

Но учиться мастерству психологического анализа современные писатели могут не только у классиков: вслед за традицией классической литературы прошлого века постепенно складывается и новая литературная традиция советских лет, в которой ведущее место принадлежит Шолохову.